
О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА

М.А. Елизарьева

Кафедра общего и сравнительного языкознания
Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119034

Статья посвящена ранее выдвигавшейся отечественными лингвистами, но не привлекавшей к себе достаточного внимания гипотезе о том, что языковые контакты могут влиять на формирование языковой картины мира. На примере немецких калькированных в чешском языке предлагается методика доказательства данной гипотезы.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковой контакт, билингвизм, интерференция, контактная лингвистика

Понятия языковой картины мира и языковых контактов в настоящее время используются в разных, относительно слабо пересекающихся областях языкознания: с одной стороны, в лингвокультурологии, лингвоконцептологии, этнолингвистике и отечественной когнитивной лингвистике, с другой — в контактной лингвистике, включающей в себя изучение билингвизма, а также изменений, происходящих в языковых системах при длительном контакте их носителей.

Между тем идеи о влиянии билингвизма на языковую картину мира высказывали еще Й.Л. Вайсгербер и Г. Шмидт-Рор. Например, Г. Шмидт-Рор отмечал, что «в приграничных областях может иметь место феномен аномалий в картине мира, вызванных интерференцией двух конкурирующих друг с другом «родных языков» и связанного с этим девиантного категориального поведения членов языкового сообщества» [1. С. 166]. Такие нарушения в категоризации предметов, по мнению Г. Шмидт-Рора, происходят из-за неправильного соотнесения слов с явлениями мира в одном языке по ложной аналогии с другим языком, что пагубно влияет не только на формы, но и на сам процесс мышления [1. С. 185]. Подобное негативное отношение к билингвизму было характерным для Европы и США той эпохи, поскольку двуязычными были в основном те народы, которые не имели своего национального государства и образовывали языковые и культурные меньшинства внутри империй, а потому обладали низким социальным статусом [2. С. 13—14], что объясняет отсутствие у неогумбольдтианцев глубоких исследований языковой картины мира двуязычных индивидов или народов.

Ввиду того, что философия языка неогумбольдтианцев ко времени активного развития контактной лингвистики во второй половине XX в. не была популярной (а для большинства американских социолингвистов вообще оставалась неизвестной), вопрос о влиянии языковых контактов на языковую картину мира оставался без внимания до тех пор, пока в конце 1980-х гг. последняя не стала одним из объектов изучения в отечественной лингвистике.

Первым этой проблемы коснулся Б.А. Серебренников в своей монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление» [3]. По мнению автора, лексические заимствования, появление которых в языке объясняется потребностью «в дифференциации значений, в более адекватной передаче когнитивной структуры и т.д.» [3. С. 78], вызывают изменения в языковой картине мира языка-реципиента, которые могут проходить по одному из пяти «сценариев»:

1) заимствование нового понятия и расширение языковой картины мира, при этом понятие (или предмет культуры) может быть заимствовано как вместе с обозначаемым им словом (например, *панталоны*, *фрак*, *жилет*), так и получить обозначение с помощью средств родного языка, т.е. посредством калькирования;

2) заимствование нового понятия и расширение языковой картины мира, причем уже существовавшая в языке лексическая единица в результате метафоризации обретает новое дополнительное значение (так, в языке ниуэ слово *lulu*, изначально имевшее значения «сова» и «женщина, супруга», стало использоваться для обозначения европейских женщин);

3) фрагмент картины мира остается неизменным, но меняется способ его репрезентации в языке (например, в языках южноамериканских индейцев произошло вытеснение исконных слов испанскими заимствованиями). Среди причин подобных процессов Б.А. Серебренников называет большую престижность языка, из которого заимствуется лексическая единица, языковое табуирование, а также большую точность и выразительность заимствуемой языковой единицы;

4) фрагмент картины мира изменился, старое понятие было вытеснено новым, сохранив при этом способ языковой репрезентации (так, в чукотском языке при замене традиционного дома европейским сохранилось старое название *ярак*);

5) переструктурирование языковой картины мира, т.е. одно понятие накладывается на другое (например, поздно заимствованное из романских языков чешское и словацкое слово *drak* имело два значения «дракон» и «черт», что свидетельствовало о наложении христианской картины мира на языческую).

Б.А. Серебренников приходит к выводу, что «при системном взаимодействии языков отбирается только то, что укладывается в уже имеющуюся категориальную структуру (решетку) элементов восприятия, а то, без чего можно и должно обойтись, безжалостно отбрасывается» [3. С. 85].

Данная работа Б.А. Серебренников была в отечественном языкознании первой попыткой проследить влияние языкового контакта (а именно лексических заимствований) на языковую картину мира, однако нельзя не отметить, во-первых, незначительное количество примеров (по 1—2 на каждый «сценарий» развития языковой картины мира) и, во-вторых, отсутствие примеров употребления заимствованных языковых единиц в контексте или же иных прямых доказательств, свидетельствующих об изменениях в той или иной языковой картине мира. Если учесть тот факт, что монография была написана до того момента, когда реконструкция языковых картин мира стала одним из наиболее популярных направлений отечественной лингвистики и был разработан комплекс приемов для их описания, подобное отсутствие развернутого анализа становится понятным.

Еще одна монография, посвященная рассматриваемой проблеме, принадлежит Е.В. Урысон [4]. В «Приложении 2» под названием «Языковая картина мира и

лексические заимствования (лексемы *округа* и *район*)» автор ставит перед собой следующие вопросы: «Преобразуется ли семантика заимствованного, чужого слова в соответствии со способом концептуализации, свойственным данному языку? Или же язык воспринимает чужой способ концептуализации, заимствует фрагмент чужой семантической системы, иной модели мира... Существование разных типов лексических заимствований — это гипотеза, которую нужно проверять» [4. С. 129]. На примере анализа слов *округа* и *район* автор демонстрирует лексическое заимствование второго типа, в результате которого, как она считает, в русскую языковую картину мира «встроился» кусочек французского мировидения (поскольку слово *район* пришло из французского языка). Е.В. Урысон анализирует примеры употребления исследуемых лексем в контексте (художественные и публицистические тексты начала и конца XX в.) и приходит к выводу, что слово *округа* ранее употреблялось более широко, чем сейчас, но в результате заимствования слова *район* оно сохранилось только в отдельных регистрах. Вместе с тем оба эти слова обозначают «не имеющую четких границ территорию, выделяемую относительно какого-либо объекта» [4. С. 130], но объекты при этом различные. Если объект, вокруг которого выделяется район, обычно является населенным пунктом либо архитектурным или географическим объектом средних размеров и находится в центре, то округа «обязательно предполагает людей, постоянно проживающих на данной территории» [4. С. 131] и включена в личную сферу людей. Е.В. Урысон отмечает, что слово *округа*, отражающее такие черты русской языковой картины мира, как общинность и включенность населенного пространства в личную сферу человека, было потеснено лексемой *район*, отражающей объективную топографическую ориентацию. В заключение автор приходит к выводу, что в данном случае фрагмент русской языковой картины мира изменился благодаря лексическому заимствованию.

Е.В. Урысон выдвигает гипотезу, аналогичную предложенной Б.А. Серебренниковым, а именно: языковые контакты могут влиять на изменение языковой картины мира. Что касается доказательства данного предположения, то здесь можно наблюдать наличие семантического анализа (разграничение значений исследуемых лексем, исходя из их контекстного употребления). Однако без внимания остается как этимология русского слова *район*, так и этимология и семантика французского *rayon* (восходящего к лат. *radius* «луч») (1), значение которого отнюдь не совпадает со значением русского заимствования. Если мы хотим констатировать вызванные языковым контактом изменения в той или иной языковой картине мира, то необходимо также реконструировать и фрагмент картины мира языка, послужившего источником заимствования, иначе невозможно определить, что же конкретно было перенесено из одной языковой картины мира в другую.

А.А. Зализняк рассматривает регулярность семантических сдвигов в значении слов, происходящих в том числе в результате калькирования: словообразовательного (копирование внутренней формы иноязычного слова средствами родного языка), семантического (возникновение у слова нового значения по образцу слова из другого языка в аналогичным исходным значением) и смешанного [5]. Автор указывает, что «при семантическом калькировании, т.е. заимствовании дан-

ного отношения полисемии, происходит заимствование и соответствующего фрагмента картины мира одного языка в другой язык (которое может трактоваться как «навязывание чужого мировоззрения»)» [5. С. 408]. В качестве примеров, иллюстрирующих это утверждение, приводятся семантические калькирования, встречающиеся в речи носителей русского языка, постоянно проживающих за рубежом: *друг* в значении англ. *boyfriend*, *пригласить* в значении фр. *inviter* и *забрать* в значении нем. *abholen*, и объясняет это тем, что в русском языке отсутствуют культурные концепты, репрезентируемые данными языковыми единицами, в результате чего и возникает семантическое калькирование.

Приведенную А.А. Зализняком аргументацию сложно рассматривать как однозначное подтверждение влияния семантического калькирования на языковую картину мира. Во-первых, примеры употребления взяты из речи носителей русского языка, проживающих за рубежом, без указания источника данных сведений (например, социолингвистический эксперимент, анкетирование). Во-вторых, приведенные примеры отражают изменение скорее в индивидуальной языковой картине мира (речь отдельных носителей языка, находящихся вне территории компактного проживания остальных носителей весьма редко оказывает заметное влияние на язык в целом), в то время как выше автор утверждает, что при семантическом калькировании имеет место заимствование «фрагмента картины мира одного языка в другой язык» [5. С. 408]. В-третьих, отсутствует семантический анализ как слов исходного языка, так и языка-реципиента.

Как мы видим, несмотря на постановку вопроса о влиянии языковых контактов на формирование языковой картины мира, на настоящий момент в отечественном языкознании отсутствуют исследования, которые могли бы подтвердить или опровергнуть намеченную гипотезу на достаточно обширном языковом материале и с привлечением современных методов семантического, когнитивного и лингвокультурного анализа, а также достижений контактной лингвистики.

Почему же доказательство гипотезы о влиянии языкового контакта на картину мира представляет интерес для лингвистики? Значительная часть современных дескриптивных и контрастивных исследований языковых картин мира разных народов исходит из воззрений неогумбольдтианцев и гипотезы лингвистической относительности, согласно которым язык оказывает влияние на то, как его носители воспринимают окружающий их мир, т.е. на то, как они осуществляют членение окружающей реальности. В соответствии с данной предпосылкой мы можем сделать следующий логический шаг и допустить, что если меняется язык, то может измениться и формируемая им языковая картина мира.

В ходе исторического развития язык изменяется не только в силу внутренних тенденций, но и в результате контактов с другими языками, имеющими место, как правило, тогда, когда отдельный индивид или целое языковое сообщество постоянно пользуется двумя или более языками. При языковых контактах могут происходить изменения разных уровней языковой системы: фонетические и просодические (изменение интонации, артикуляции звуков), лексические (заимствование новых слов, калькирования), семантические (расширение или сужение значения слова, сдвиг в значении, развитие полисемии), грамматические (заим-

ствование грамматических конструкций, появление новых грамматических явлений в языке или наоборот их исчезновение), синтаксические (изменения в порядке слов, строении предложений и т.д.).

Из этих видов изменений на языковой картине мира могут отражаться прежде всего лексические и семантические, поскольку языковая картина мира формируется в первую очередь именно этими уровнями языка. Однако для того, чтобы языковая картина мира того или иного языкового сообщества изменилась, необходимо, чтобы его большинство владело двумя (или более) контактирующими языками и конкретные виды изменений проявлялись в речи большинства его представителей и затем закрепились в языке, став нормой. Если это происходит, то можно предположить, что языковая картина сообщества изменилась. Следовательно, при реконструкции определенного фрагмента языковой картины мира необходимо удостовериться, что языковой материал (лексические и фразеологические единицы, грамматические конструкции и т.д.), на основе которого осуществляется реконструкция, не является результатом языковых контактов. Если же он был результатом взаимодействия с другим языком, то необходимо убедиться, не принес ли он с собой «кусочек» чужой языковой картины мира.

Проиллюстрируем наши рассуждения на примере немецко-чешского языкового контакта, длившегося около тысячи лет. Начиная с IX—X вв. чешский этнос значительную часть своей истории находилась в политической зависимости от своих немецкоязычных соседей, что обусловило существование на территории Богемии и Моравии массового билингвизма — в основном среди чехов, но также и среди судетских немцев и членов смешанных немецко-чешских семей. Этот достаточно интенсивный контакт резко оборвался в 1946 г., когда практически все судетские немцы по декрету Бенеша были изгнаны с территории Чехословакии. Тем не менее до сих пор в чешском языке сохранилось огромное количество немецких заимствований (чеш. *taška, šnek, hochštapler* от нем. *Tasche, Schneke, Hochstapler*), лексических и семантических калькирований (чеш. *výtah, časopis, ohněstroj* от нем. *Aufzug, Zeitschrift, Feuerwerk*), а также грамматических конструкций.

Мы остановим наше внимание на лексических и семантических калькированиях, под которыми в первом случае будет пониматься образование нового слова в чешском языке посредством последовательного перевода морфем немецкого слова, а во втором — появление у чешского слова, совпадающего в своем основном значении с немецким, дополнительных значений по образцу немецкого эквивалента [6. С. 354]. Для языковой картины мира лексические и семантические калькирования должны иметь особое значение, поскольку «картина мира находит отражение в самом факте именовании того или иного объекта действительности отдельным языковым знаком, независимо от способа номинации, от мотивированности знака... Многократное использование в номинации одного и того же знака (морфемы, слова) означает, что все реалии внешнего мира, поименованные с помощью такого знака, в сознании носителей языка оказываются семантически связанными, между ними устанавливаются некоторое содержательное сходство по тому или иному признаку» [7. С. 195]. А что происходит, если такая закономер-

ность в номинации проявляется при регулярном лексическом и семантическом калькировании однокоренных слов? В чешском языке присутствует большое количество лексических и семантических калькирований с немецких лексических единиц, входящих в словообразовательное гнездо глагола *ziehen*, причем чешские эквиваленты, как правило, образованы от корней глаголов *táhnout* (русский когнат — *тянуть*) и *vléct* (русские когнаты — *влечь, волоочь*), в то время как русские эквиваленты имеют абсолютно иную мотивацию:

Немецкий	Чешский	Русский
Zug	vlak	поезд
Anzug	oblek	костюм
Bezug	povlak	наволочка
Aufzug	výtah	лифт
Gesichtszüge	tahy obličeje	черты лица
Feldzug	polní tážení	военная кампания
Kreuzzug	křížacké tážení	крестовый поход
Beziehung	vztah	отношение
Zugvögel	tážní ptáci	перелетные птицы
Zugstück	tahák	шпаргалка

Кроме отдельных слов или словосочетаний эта же закономерность встречается и в относительно устойчивых сочетаниях (этот и предыдущий ряд может быть продолжен):

Немецкий	Чешский	Русский
am selben Strang ziehen	táhnout za jeden provaz	действовать сообща
auf den Kriegspfad ziehen	vytáhnout na valečnou stezku	выйти на тропу войны
etwas ans Licht ziehen	vytáhnout něco na světlo	вывести на свет божий
in den letzten Zügen liegen	být v posledním tažení	быть на последнем издыхании
in einem Zug trinken	vypít jedním tahem	выпить одним глотком
in einem Zug zeichnen	nakreslit jedním tahem	нарисовать не отрывая руки
am Zug sein	být na tahu	ходить (в шахматах)
das Fell abziehen	stáhnout kůži	снять шкуру
die Uhr aufziehen	natahovat hodinky	заводить часы
das Bett beziehen	povlékat postel	стелить постель
sich aus der Affäre ziehen	vyvléknout se z afery	выпутаться из неприятной ситуации

Если исходить из утверждения о том, что внутренняя форма слова есть проявление языковой картины мира, то из приведенных примеров можно сделать вывод, что для носителя русского языка (при условии, что он не владеет на высоком уровне немецким или чешским языком), предметы и ситуации, обозначаемые данным языковым материалом, не имеют между собой ничего общего. С другой стороны, носителям немецкого и чешского языков внутренняя форма слова

должна говорить о том, что между ними есть то общее, благодаря чему в основу их номинации легла одна и та же лексическая единица. Вместе с тем бросается в глаза, что русские эквиваленты приведенных выше слов и выражений не содержат ни когнатов *тянуть* и *влечь*, ни их производных. Это наталкивает на мысль, что чешские лексические и лексико-фразеологические элементы были скалькированы с немецких. Если в случае отдельных единиц, таких, как *vlak*, этот факт доказан и зафиксирован в этимологических словарях, происхождение преимущественной части подобных калькирований еще не было исследовано и описано, а потому, прежде чем определить их влияние на чешскую языковую картину мира, надо доказать, что они пришли именно из немецкого языка, а не были результатом самостоятельного развития чешского. Для этого необходимо проверить, во-первых, существовали ли в чешском данные единицы до той стадии контакта, которой было свойственно калькирование, а во-вторых, сравнить с эквивалентами из других славянских языков. Последнее может дать не вполне объективный результат, поскольку большинство славянских языков, пожалуй, кроме русского, белорусского, болгарского и македонского, также находились с немецким в продолжительном контакте, что не исключает направления их развития, аналогичного чешскому.

Однако если те или иные калькирования действительно являются результатом влияния немецкого языка, возникает следующий вопрос: почему чешские калькирования производных от глагола *ziehen* образованы от двух разных корней? Является ли это закономерностью, обусловленной семантикой глаголов *táhnout* и *vléct*? Почему в одних случаях в основе номинации лежит основа глагола *táhnout*, а в других — глагола *vléct*? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, на наш взгляд, необходимо обратиться к полисемии всех трех глаголов, образующих вершины словообразовательных гнезд, поскольку выделение значений каждого из глаголов может показать, во-первых, разницу в наборе значений синонимов *táhnout* и *vléct*, а во-вторых, объяснить, какое из них и почему легло в основу при калькировании.

При выделении отдельных значений мы считаем важным опираться не только и не столько на словарные статьи толковых немецких и чешских словарей, но и на контекстные примеры, встречающиеся в национальных корпусах, поскольку словари, во-первых, не дают информацию о всем классе референтов, которые могут обозначаться тем или иным словом и, во-вторых, в них далеко не всегда отражена связь между отдельными значениями полисеманта, т.е. из них не очевидно, на каком основании одно значение было выведено из другого. При обработке большого объема примеров контекстного употребления можно будет выделить общие признаки, содержащиеся в каждой ситуации и объясняющие, во-первых, полисемию вершин словообразовательных гнезд, а во-вторых, мотивацию при образовании их производных. Тот же анализ должен объяснить, почему немецким производным от полисеманта *ziehen* в чешском соответствуют производные от двух полисемантов, а не от одного.

Следующим шагом должно стать описание и сравнение фрагментов немецкой и чешской языковых картин мира, вербализуемых рассматриваемыми словообразовательными гнездами. В нашем случае для этого необходимо вывести общую

когнитивную схему, показывающую взаимосвязь значений полисемантов, а также раскрывающую мотивацию производных, т.е. показывающую, от какого значения они были образованы. При этом мы сможем объяснить, как носитель того или иного языка воспринимает тот или иной объект или ситуацию сквозь призму языка, иными словами, выявить его точку зрения.

Если в результате сравнения фрагментов немецкой и чешской языковых картин мира, вербализуемых рассмотренными словообразовательными гнездами, будут выявлены значительные сходства, особенно там, где они обусловлены немецкими лексическими или семантическими калькированиями в чешском языке, то с определенной долей уверенности можно утверждать, что это последствие немецко-чешского языкового контакта: калькирование немецких слов и развитие полисемии по образцу немецких эквивалентов принесло вместе с собой некоторые элементы немецкой языковой картины мира. Недаром еще один из крупнейших борцов за возрождение чешского языка Йозеф Добровский выступал против немецких калькирований: «Нельзя чешский язык во всем подгонять под немецкий, ведь каждый язык представляет собой нечто особенное... Если так и дальше будет продолжаться, то мы будем писать не по-чешски, а по-немецки чешскими словами» [Цит. по: 8. С. 17]. Несмотря на то, что в XIX—XX вв. чешские пуристы искоренили значительную часть немецких калькирований, заменив их другими чешскими словами, определенная часть их продолжает незаметно жить в чешском языке, и потому лингвистика может поставить перед собой задачу их выявления и определения той роли, которую они сыграли в формировании чешской языковой картины мира.

ПРИМЕЧАНИЕ

- [1] См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
- [2] Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
- [3] Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: «Индрик», 2008. 528 с.
- [4] Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
- [5] Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты / под ред. В.Ю. Розенцвейга. М.: Прогресс, 1972. 536 с.
- [6] Jarvis S., Pavlenko A. Crosslinguistic influence in language and cognition. New York, Routledge, 2010, 282 p.
- [7] Jelinek M. Der Purismus in der Entwicklung der tschechischen Schriftsprache im 19. Und 20. Jahrhundert // Deutsch-tschechische Sprachbeziehungen. Germanismen, Personennamen, Ortsnamen. Roder Verlag, Regensburg, 2000. S. 9—64.
- [8] Schmidt-Rohr G. Die Sprache als Bildnerin der Völker. Eine Wesensund Lebenskunde der Volkstümer. Jena, Diederichs Verlag, 1932. 415 S.

INFLUENCE OF LANGUAGE CONTACT ON LANGUAGE VIEW OF THE WORLD

M.A. Yelizaryeva

The Chair of General and Contrastive Linguistics
Moscow State Linguistic University
Ostozhenka str., 38, Moscow, Russia, 119034

This article argues that language contacts may influence linguistic view of the world. The hypothesis was formulated by Russian linguists, but did not attract enough attention. On the example of German calques in the Czech language we propose a set of methods for proving the hypothesis.

Key words: language view of the world, language contact, bilingualism, language transfer, contact linguistics

REFERENCES

- [1] Zalijnjak A.A. Russkaja semantika v tipologicheskoj perspektive [Russian Semantics in Typological Perspective]. M.: Jazyki slavjanskoj kultury, 2013. 640 s. (Studia philologica).
- [2] Serebrennikov B.A. Rol chelovecheskogo faktora v jazyke [The Role of Human Factor in Language]: Jazyk i myshlenie. M.: Nauka, 1988. 242 s.
- [3] Tolstaja S.M. Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshheslavjanskoj perspektive [Word Environment. Lexical Semantics in Slavonic Perspective]. M.: «Indrik», 2008. 528 s. (Tradicionnaja duhovnaja kul'tura slavjan. Sovremennye issledovanija).
- [4] Uryson E.V. Problemy issledovanija jazykovoj kartiny mira: Analogija v semantike [Problems of Research of Language World Picture] / Ros. akademija nauk. In-t russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 224 s. (Studia philologica).
- [5] Haugen Je. Process zaimstvovanija [Borrowings] // Novoe v lingvistike. Vypusk VI. Jazykovye kontakty (pod red. V.Ju. Rozencvejga). M.: Izdatel'stvo «Progress», 1972. 536 s.
- [6] Jarvis S., Pavlenko A. Crosslinguistic influence in language and cognition. New Yourk, Routledge, 2010, 282 p.
- [7] Jelínek M. Der Purismus in der Entwicklung der tschechischen Schriftsprache im 19. Und 20. Jahrhundert // Deutsch-tschechische Sprachbeziehungen. Germanismen, Personennamen, Ortsnamen. Roder Verlag, Regensburg, 2000. S. 9–64.
- [8] Schmidt-Rohr G. Die Sprache als Bildnerin der Völker. Eine Wesensund Lebenskunde der Volkstümer. Jena, Diederichs Verlag, 1932. 415 S.